

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Article

УДК 316.73

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-92>

Феномен метаморфозы в контексте культурной динамики

Павел Григорьевич Мартысюк

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
Pr_martis@yahoo.com

***Аннотация.** Под культурной динамикой принято понимать развитие и изменения, присущие отдельным типам, сферам и формам культуры. В её основе лежат принципы развития линейного, циклического и нелинейного типа. По большей части культурная динамика раскрывается в гомогенных эволюционистских линейных схемах, рассматривающих развитие культуры в контексте её прогрессистского усовершенствования. Она может быть зафиксирована и в различного рода циклических вариациях, образующих основу неизменно повторяющихся, устойчивых конфигураций культуры, а также во взаимодействии структурных компонентов линейного и циклического типа, придающих динамике культуры нелинейный характер. В статье автор исследует сложную и во многом противоречивую природу метаморфозы, способную выступить в качестве исходного*

мифологического модуса динамики культуры. Метаморфоза, представленная в качестве феномена культуры, сочетает в себе различные модификации линейности, цикличности и нелинейности, присущие культурному развитию.

Ключевые слова: культура, космос, миф, метаморфоза, культурная динамика, природа, линейность, цикличность, нелинейность

Для цитирования: Мартысюк П. Г. Феномен метаморфозы в контексте культурной динамики // Человек. Культура. Образование. 2023. № 2. С. 92–106. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-92>

The Phenomenon of Metamorphosis in the Context of Cultural Dynamics

Pavel G. Martysiuk

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Pr_martis@yahoo.com

Abstract. *Under cultural dynamics, it is customary to understand the development and changes consumed by the types, spheres and forms of culture. It is based on the principles of development of a linear, cyclic and non-linear type. For the most part, cultural dynamics is revealed in homogeneous evolutionary linear schemes, exploring the development of culture in the area of its progressive development. It can also be fixed in certain types of variations that form the structure of constantly repeating, stable changes in culture, as well as in the composition of structural components of a linear and cyclic type, giving the dynamics of culture of a non-linear nature. In the article, the author concludes the complex and largely contradictory nature of metamorphosis, which can act as an initial mythological mode of culture dynamics. Metamorphosis, presented as a phenomenon of culture, combines various variants of linearity, cyclicity and non-linearity of the manifestation of cultural development.*

Keywords: culture, cosmos, myth, metamorphosis, cultural dynamics, nature, linearity, cyclicity, nonlinearity

For citation: Martysiuk P. G. The phenomenon of metamorphosis in the context of cultural dynamics. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 2: 92–106 (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-92>

Введение. Целью представленной статьи является препарирование противоречивой природы мифологической метаморфозы,

а также её функциональной организации, идентифицируемой в качестве источника культурной динамики.

В процессе реализации поставленной цели исследования автор обращается к рассмотрению мифологической природы метаморфозы, выступающей в качестве своего рода посредника между человеческой жизнью и жизнью природы. Идея нерасторжимого единства человеческого «я» и природного универсума на различных этапах развития социума и культуры стимулирует потребность в исследовании метаморфозы не только как природного явления, но и как культурной формы, функциональная организация которой представляет интерес в плане выявления истоков культурной динамики, восходящей к мифологической традиции.

Значительное внимание феномену метаморфозы, представленному в модусе всеобщего оборотничества, уделял А. Ф. Лосев в первом томе «Истории античной эстетики». В данном исследовании метаморфоза им рассматривается в контексте синкретизма первобытной картины мира.

Одной из вариаций метаморфозы выступает трикстерство. Пол Радин в книге «Трикстер» на примере мифов североамериканских индейцев представил фигуру трикстера в качестве источника дестабилизации мифологической картины мира, подрывающего её стабильность и устойчивость. В книге «Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона» Е. М. Мелетинский показал, что в трикстерстве содержится элемент непредсказуемости, что и сближает его с синергетической установкой. Зачастую она проявляется в непослушании, неумелости или злой воле, а то и в прямой борьбе антагонистов.

На ранних этапах становления культуры метаморфоза носит всеобщий и взаимопроникающий характер, то есть сводится к всеобщему оборотничеству. Феномен оборотнического всеприсутствия формирует у человека способность к идентификации себя с другими людьми, животными, растениями, неодушевленными предметами, а также различными природными явлениями. В относительно поздний хронологический отрезок метаморфоза распространяется, как правило, на частные формы сущего. Уже в «Метаморфозах» Овидия и сатирических диалогах Лукиана этот процесс становится очевидным.

Метаморфоза в качестве литературного приёма используется в европейской литературе времени романтизма (Э. Т. А. Гофман

и др.) Представленные сюжеты связаны с превращениями в духе поэтики иррационального. При этом они сохраняют древние архетипические истоки. Классическим образцом нового осмысления в литературе XX века мотива метаморфоз человека, превращающегося в насекомое, является повесть Ф. Кафки «Превращение».

Функциональные возможности метаморфозы нашли раскрытие в мифообрядовой традиции. В этом смысле представляют интерес труды М. Элиаде «Мефистофель и андрогин, или Тайна целостности», «Ностальгия по истокам» и др., а также монография П. Л. Белкова «Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии».

В настоящей статье, исследовав противоречивую, многосложную природу метаморфозы, автор пришёл к выводу, что она может быть представлена в качестве мифологического источника культурной динамики, выстроенной на принципах цикличности, линейности и нелинейности.

Методы исследования. Для достижения исследовательской цели были использованы следующие методы познания: сравнительно-исторический, структурно-типологический, герменевтический, семиотический. Эти методы не изолированы друг от друга, по ряду существенных моментов они пересекаются, переходят один в другой, что присутствует и в настоящем исследовании. Вместе с тем ведущим и определяющим методологическим ориентиром на протяжении всего исследования остаётся стремление автора увидеть в историко-культурном феномене метаморфозы имманентную логику, попытку его перманентного воспроизводства в синхроническом и диахроническом срезах культуры с учетом динамики его функциональной организации.

Результаты исследования и их обсуждение. Феномен метаморфозы одновременно принадлежит двум пространствам: природному и культурному. Как в натуралистическом, так и в природном измерении метаморфоза обладает циклической природой, демонстрирующей сменяющие друг друга фазы развития. Завершающий момент отдельно взятого цикла предвещает последующее восстановление, расставляющее вещи на отведённые для них места в рамках последующего цикла. Смерть (разрушение), на первый взгляд казавшаяся полной, непосредственно подготавливает будущность в рамках последующего цикла. В определённой мере это соотносится с циклическими процессами в природе. К примеру,

смерть древесной почки приводит к рождению листа. Через определённый отрезок времени почка, исходя из очередного вегетативного цикла растения, появляется вновь — и так продолжается до бесконечности. Подобного рода метаморфоза свойственна и представителям фауны, в особенности насекомым. Она прослеживается в смене форм, составляющих единый биологический цикл: яйцо — личинка — куколка — взрослая особь — яйцо. Разрушение отдельно взятой ипостаси является источником возникновения последующей. Оказываясь на новом уровне превращения, биологическая особь претерпевает смерть на предыдущем и возрождается на последующем. По сути, архаическое мышление воспринимает смерть как своего рода переход на другой уровень реальности, реинтеграцию в универсум бытия.

При этом необходимо обратить внимание на то, что разрушение отдельно взятой ипостаси осуществляется во имя утверждения жизни субстанции, которой удаётся сохраняться до бесконечности. Отсюда и проистекает мифологическое восприятие природной субстанции сохранять свою неизменность на фоне периодического разрушения её составляющих. Если сам плод содержит новые зёрна, то это «указывает на то, что следствие может, в свою очередь, играть роль причины на другом уровне в соответствии с циклическим характером проявления; но для этого нужно ещё, чтобы оно в некотором роде перешло из “явного” в “скрытое”» [1, с. 107–108].

Семантика метаморфозы не ограничивается натуралистическим измерением. Благодаря культурной рефлексии она выходит за рамки природной необходимости. Одним из путей переформатирования исходной метаморфозы выступает её эстетизация. На примере отдельных витальных форм она сводится к идеализации имаго — полнозрелой конечной формы, способной к репродукции. Выразителем подобной точки зрения выступил Вл. Соловьёв. Ознакомившись с его эстетическими взглядами, можно сделать вывод о том, что в основе развития и функционирования отдельных природных форм лежит принцип красоты.

Вл. Соловьёв придерживается мысли, что «некрасивая форма принадлежит червеобразным личинкам насекомых, представляющим лишь переходную стадию в развитии целого животного, в окончательном же своем виде эти самые животные (бабочки, жуки и т. п.) не только освобождаются от отвратительной наружности

червя, но некоторые из них даже служат весьма яркими образчиками красоты в природе. И (по общему правилу) только в этом своем, более красивом, окрыленном виде насекомое получает способность спариваться и размножаться, т.е. увековечивать свой вид. ... Но природа равнодушна к красоте. Она допускает безобразные формы в качестве переходных стадий, но для увековечивания своих произведений старается сообщить им возможную в каждом роде красоту» [2, с. 373].

Эстетизация метаморфозы порождает её восприятие в качестве источника циклической динамики культуры. Рефлексия природной метаморфозы находит отражение и в символизме. Непосредственно в символизме насекомые знаменуют процесс трансформации, отражающий переход от низшей ипостаси к высшей. В частности, символизм представляет бабочку в её положительной динамике. Выбравшись из кокона, своего рода заточения, выпорхнувшая бабочка стала олицетворением божественного круговорота, смерти и воскресения.

К XVIII веку пытливые европейцы в жизненном цикле насекомых усмотрели аллегорию христианского вероучения о спасении души. В прожорливых гусеницах люди узнали себя, обреченных на земной труд в грязи и страданиях. Кокон ими воспринимался как гроб, в который природа заключает в конце земного пути свои создания. Вылупившейся прекрасной бабочке даровался чудесный шанс: обрести жизнь после смерти и право устремиться в свободном полете.

Символическая семантика бабочки заключает в себе возрождение и воскресение души, способность к превращениям и трансформациям. При этом ей свойственна и линейная положительная динамика от яйца к имаго (от низшей к высшей природной форме).

В христианстве стадии развития бабочки олицетворяют жизнь, смерть и воскресение, поэтому бабочка иногда изображается в руке младенца Христа, что символизирует возрождение и воскресение души. На картинах, изображающих жизнь в раю, такие крылья имеет душа, которую Творец помещает в тело Адама. В христианстве циклическая положительная динамика выражена в воскресении, преображении. Жизнь восстанавливается на более совершенном уровне, не земном, а небесном.

В архаических культурах феномен метаморфозы проистекает из потребности мифолого-антропологических форм выйти за пределы замкнутого пространства мифа. «При этом любая попытка преодолеть замкнутое пространство мифа оборачивается возвращением в исходное положение. По этой причине рост отдельных витальных форм не становится их подлинным становлением, а оборачивается бесконечной чередой различных перевоплощений» [3, с. 37–38].

Подобную динамику переживает такой вид метаморфозы, как перевёртыш. Перевёртыш демонстрирует циклизацию мифологического образа. Он обладает набором индивидуальных свойств, позволяющих ему мимикрировать в ситуации принятия или отрицания мира. Переворачивание в различных мифологических системах символизирует границу между мирами. Сменив ракурс, перевёртыш способен пребывать в Нижнем или Верхнем мире. В особенности идея оборотничества развита в мифологических воззрениях урало-сибирских народов. Здесь мы с очевидностью обнаруживаем переход из одной телесной сущности в другую и обратно в предыдущую. Существа переходили из одного состояния в другое: человеческое — в животное, видимое — в невидимое, живое — в мёртвое. Все эти оборотнические динамические процессы в финно-угорской мифологии запечатлены в зверином стиле. «Ноги человеко-лосей превращаются в головы птиц на длинных шеях, уносящих души в Нижний мир. Нога ящера оборачивается головой орла, хвост шуки становится мордой земного зверя. Глаз на ногах человеко-лосей обозначает одну из душ, он же оборачивается глазом птицы при перевороте. Медведь на пряжке становится кузничком, а морда медведя на ручке ложки превращается в лосиные головы... живая, меняющаяся картина мира... Человеко-лось, духпокровитель покойного, неожиданно превращался в птиц, уносящих душу человека из этого мира. Как видим, от крылатых человеко-лосей совсем недалеко до ангелов последующих веков. Известны случаи, когда новокрещённые коми-пермяки переворачивали иконы, «наказывая святого», как бы отправляя его в иной мир» [4, с. 42–43].

Метаморфоза, рассмотренная в рамках мифа, свидетельствует об определенной динамике материи, в конечном счете опредмечивающейся в превращенных формах сущего. При этом необходимо обратить внимание на то, что метаморфоза оказывается связанной

с потребностью в удержании собственной сущности, что в конце концов приводит отдельные мифологические формы к возвращению на круги своя в пределах все того же замкнутого пространства. Оно исключает возможность трансцендирования за пределы мифологического пространства, хотя, будучи опосредованным мифоритуальным комплексом, получает возможность соприкосновения со сверхсущим.

В замкнутом мифологическом мире метаморфоза эквивалентна движению. «Миф улавливает мир не как неподвижное бытие, но как постоянное изменение; не как готовую форму, но как непрестанно возобновляющуюся метаморфозу» [5, с. 132]. В мифе происходит соприкосновение становящегося и ставшего в самом становлении.

Типичным примером циклизирующей метаморфозы выступает Протей. Он является воплощением единой цельной природы, имеющей многочисленные облики. При этом он всегда равен самому себе. Являясь в первоначальном облики, он способен открыть истину. В протейзме заложена идея нелинейной динамики. Складывается ощущение, что Протей живёт по своим собственным законам, соотносящимся с изменчивой внешней средой. При всём этом для того, кто сталкивается с Протеем, его поведение носит непредсказуемый характер.

Линейная динамика метаморфозы раскрывается в эволюции мифологических богов от хтонизма к спиритуализму — от природных богов к олимпийским. Очеловечение богов связано с их эстетизацией, что можно проследить на примере трансформации образа бога Аполлона.

В ранней античности Аполлон выступал в качестве неодушевлённого фетиша-камня, который помещали перед входными дверями. Первоначальный хтонизм Аполлона связан с лавром, кипарисом, дубом и др. растениями. В последующем он стал ассоциироваться с музыкой и поэзией. В ипостаси олимпийского бога Аполлон ассоциируется с выделением человеческой личности из внешней стихийной действительности. В культурологической теории Ф. Ницше и О. Шпенглера Аполлон знаменует собой гармонию духовного и физического начал, присущих «аполлоновскому человеку».

Нелинейная динамика культуры в мифологической традиции зафиксирована в образе трикстера. Непредсказуемая динамическая природа трикстера с трудом вписывается в устойчивую и

предсказуемую мифологическую картину мира. Трикстер обладает противоречивой природой, а также неспособностью к самоидентификации.

Действия трикстера не укладываются в систему общепринятых правил поведения. Он пребывает вне добра и зла. Трикстер одновременно предстаёт как творец и разрушитель, дающий и забирающий, обманщик и жертва обмана. У него нет сознательных желаний. Его поведение всегда диктуется витальными импульсами, над которыми сам он не властен. Для него не существует ни моральных, ни социальных ценностей.

«Трикстер изображается как творец мира и устроитель культуры и в том, что не существует никакой устойчивой последовательности связанных с ним эпизодов» [6, с. 180]. При этом сам процесс сотворения носит неосознанный характер. Божество не может осуществлять своё развитие в пустоте и поэтому пытается внести в пустоту какие-то различия. Сам процесс культурного творения трикстером опосредован предпринимаемой им попыткой самовыражения. В этом смысле трикстер выступает в качестве своего рода культурного героя. Присущий ему процесс превращения эквивалентен культурному творению. В палеоазиатском эпосе деятельность трикстера-Ворона как культурного героя сопровождается превращением как его самого, так и объекта, на который направлено преобразовательное усилие. Например, превращение льда в тюленя.

Трикстер представляет собой не только лишённое различий далёкое прошлое, но и настоящее внутри каждого человека, также лишённое различий. Трикстерство демонстрирует отступление от установленных социальных правил, снятие противоречий как внутри прошлого, так и настоящего культуры. «Беспорядок — неотъемлемая часть жизни, и трикстер, воплощённый дух этого беспорядка. Его функцией в архаическом обществе, вернее, функцией мифологических сюжетов, о нём повествующих, является внесение беспорядка в порядок и, таким образом, создание целого, включение в рамки дозволенного опыта недозволенного» [6, с. 257]. Своими действиями на грани дозволенного трикстерство открывает новые грани мифологической картины мира, что в последующем придаёт ей дифференцированный характер. Феномен трикстерства никуда не исчезает. Он продолжает функционировать вне мифологической картины мира. При этом он по-

прежнему сохраняет непредсказуемый характер, что свидетельствует в пользу изначальной противоречивости и неустойчивости развивающейся культурной системы, а также ограниченных возможностей её рационального осмысления.

В определённой степени это обусловлено тем, что феномен трикстерства представляет одну из «психологем» архетипических структур сознания. В своём наиболее ярком проявлении он подлинное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, которое соответствует душе, едва оставившей животный уровень. Нельзя в полной мере освободиться от запечатлённого в памяти образа вещей, так как они явились ей изначально, и потому этот образ продолжает сохраняться неосязаемым грузом. Будучи отнесённым к бессознательной сфере человеческой личности, трикстер представляет теньевую нераспознанную сферу человеческого «я». Проекция бессознательного вовне нередко придаёт культуре характер неустойчивого развития.

По мере окультуривания сознание испытывает потребность в освобождении от трикстерства, представляющего собой теньевую пласт подсознания. Воспоминание о нём тем не менее вызывается в основном тем интересом, который начинает к нему испытывать завершённое сознание. В свою очередь, оно в полной мере не может быть удовлетворено рациональным. В связи с этим взывает к потаённым структурам иррационального. Присутствуя в индивидуальном, трикстерство неизбежно выводит на коллективное бессознательное, что придаёт культуре как коллективной деятельности непредсказуемый характер. При этом на определённом этапе своего развития культурное творение, изначально приистекающее из мифа, в последующем обходится без него.

Циклическая динамика метаморфозы не исчерпывается исключительно её онтологией. Присущий ей функционал сопряжён с потребностью проникновения в потаённые зоны мифологической картины мира, а также встраивания в природные циклы; в качестве примера выступает оборотничество. Мифорегионая рефлексия усматривает в способности к превращениям возможный путь выживания в стихийно организованном и непредсказуемом мире. В сложившейся ситуации метаморфоза обретает обрядовый характер. Во многом будучи обусловленной мифом, она тесно связана с обрядом, главной функцией которого является поддержание и приведение к гармоничному согласию личного, природного

и социального порядка. Благодаря обряду на первый план проступает сторона мифа, отражающая возвращение к истоку, первоначальному состоянию всего сущего» [7, с. 71].

Обрядовое действие осуществляемой участниками церемонии по большей части предполагает воспроизведение искомой естественной формы, играющей важную роль в жизни племени. Зачастую воспроизведение (воскресение) естественной формы сопровождается обрядовой травестией. «В контексте ритуала жизнь выступает как функция смерти. Сущность реинкарнации заключается в непрерывном, всегда неокончателном перетекании идей жизни и смерти друг в друга при помощи различных предметных образов. В основном эту роль выполняют структурообразующие признаки локальных мифологических центров: необычные по форме скалы, нагромождения камней или водоемы» [8, с. 31].

Обрядовая метаморфоза сопряжена с потребностью в выживании, что становится возможным благодаря поддержанию внешнего (природного) порядка, замещению человеческого обличия на животный. Таким образом участники ритуального действия соединяются с природой, становясь с ней единым целым, разделяют с ней частные и общие ритмы. Обрядовая метаморфоза может носить частный характер, что вызвано важностью предстоящих событий, связанных с выживанием и воспроизводством природы и племени. Ей может быть присущ и универсальный характер, связанный с обновлением мира, сопровождающимся регулярным возвращением к начальным истокам бытия.

В этом смысле определённый интерес представляет ритуальная андрогинизация, представленная М. Элиаде в работе «Мефистофель и андрогин, или Тайна целостности». «Во всех плоскостях тёмного опыта ритуальной оргии, ритуальной андрогинизации или возврата к докосмическому хаосу мы имеем дело с воссоединением и унификацией, которые сравнимы по своей структуре с тенденцией Духа возвращаться к «Одному-Всему» [9, с. 181].

Космологическая символическая андрогинность демонстрирует перманентный возврат к началу, сопровождающийся ритуальным воссоединением, реинтеграцией противоположностей, а также регрессией в сторону первобытной хаотичности. Символическая реставрация хаоса, предшествовавшего творению, устраняет дифференциацию мира. Символический возврат к космогониче-

скому хаосу сопровождается неисчерпаемым накоплением сил, источник которых существовал до сотворения мира.

Как уже было ранее сказано, в качестве элемента динамики культуры метаморфоза демонстрирует черты линейности, цикличности, нелинейности, также она может быть сведена к различного рода трансформациям. Благодаря способности заполнять культурное пространство метаморфоза имеет универсальный и локальный характер.

Универсальный характер феномен метаморфозы демонстрирует в контексте циклической динамики архаической культуры. В этот культурно-исторический период она представлена в форме всеобщего оборотничества, выступающего примером бесконечного перехода из одного состояния сущего в другое. Зародившись и оформившись в лоне архаической культуры, всеобщее оборотничество олицетворяет чрезвычайно важную для понимания первобытности парадигму синкретизма.

Оборотническая логика сохраняется и на более поздних этапах античной культуры, что во многом является следствием античного космоцентризма. Всё вращается вокруг единого космического центра, а посему каждая вещь в любой момент могла стать другой вещью, соответственно, где что-то начиналось, там и заканчивалось. Всё космизированное способно было превратиться в хаос, грозило бесконечным удлинением и необозримостью в будущем, обретало знак неосуществления. Всё возвращалось в исходное положение и равнялось на данном этапе полному отсутствию всякого изменения. При этом космичность содержала определённые позитивные перспективы будущего осуществления.

В процессе преодоления синкретизма и космоцентризма античного сознания феномен всеобщего оборотничества начинает себя изживать. Соответственно и метаморфоза как ранняя воплощённая форма динамики культуры со временем утратила свой универсальный характер и стала по большей части сводиться к частным, меняющим своё обличие сущностям. В более поздних культурных эпохах по мере формирования человеческой индивидуации она стала ассоциироваться с изменчивым бытием. Подобное можно объяснить тем, что логика превращения всего во всё в своей перспективе подрывала устойчивые ориентиры бытия, противоречила уникальности и избирательности человеческого бытия.

Циклическая динамика античной культуры начинает изживать себя в христианском Средневековье. Христианская эсхатология содержит идею линейного исторического развития. Метаморфоза в контексте средневековой культуры раскрывается в преображении человеческой природы, обретающей статус вечности.

В современной культуре мифологема метаморфозы не утрачивает актуальности. Она может быть ассоциирована с различного рода трансформациями, затрагивающими как саму сферу культуры, так и деятельность отдельно взятой личности. В человеческом сознании по-прежнему работают во многом схожие с прошлым опытом человечества механизмы чувственного восприятия, влекущие за собой устойчивые архетипические образы восприятия и представления. К подобного рода устойчивым образованиям следует отнести и различного рода превращения, получившие новое осмысление в духе поэтики иррационального, репродуцирующей древние архетипические истоки.

Особой формой проявления динамической логики метаморфозы выступает социокультурная сфера. В своём современном формате она по большей части демонстрирует нелинейный тип динамики. Ей присуща сложная система различных траекторий, сходящихся, расходящихся, перекрещивающихся; точек разветвления, где можно выбирать между различными путями. В определённой степени это стимулирует социокультурную полифункциональность личности, открывающей перспективу максимального обладания культурными ценностями. При этом множественность открывающихся возможностей нередко чревата деструктивными последствиями. В основном это возникает тогда, когда личность берётся за несвойственную ей деятельность, в результате чего оказывается в заведомо ложной ситуации и, как следствие, вводит в заблуждение себя и окружающих. Подобного рода оборотническая многоликость приводит к утрате жизненных оснований, возвращение которых впоследствии становится весьма проблематичным.

Список источников

1. Генон Р. Царство количества и знамения времени / пер. с фр. Н. Тирос. М.: Беловодье, 1994. 304 с.
2. Соловьёв Вл. С. Красота в природе // Вл. С. Соловьёв. Соч. : в 2 т. / общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 351–389.

3. Мартысюк П. Г. Эволюция мифологической идеи вечного возвращения в европейской культуре : автореф. ... д-ра филос. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Минск, 2008. 48 с.
4. Эренбург Б. А. Звериный стиль. Пермь: Сенатор, 2014. 212 с.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.
6. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комм. К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 288 с.
7. Мартысюк П. Г. Культурология : пособие для студентов вузов. Минск: ТетраСистемс, 2011. 272 с.
8. Белков П. Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: МАЭРАН, 2004. 288 с.
9. Элиаде М. Мефистофель и андрогин, или Тайна целостности. СПб.: Алетейя, 1998. С. 123–206.

References

1. Guenon R. *Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni* [The kingdom of quantity and the signs of the times]. Moscow, Belovodie, 1994, 304 p. (In Russ.)
2. Solovyov V. S. *Krasota v prirode* [Beauty in nature]. Op. in 2 vols. Vol. 2. Moscow, Thought, 1988, pp. 351–389. (In Russ.)
3. Martysyuk P. G. *Evoljutsiya mifologicheskoy idei vechnogo obrashcheniya vo vneshney kul'ture* [The evolution of the mythological idea of eternal circulation in external culture]. Abstract for the degree of Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Minsk, 2008, 48 p. (In Russ.)
4. Erenburg B. A. *Zverinyy stil* [Animal style]. Perm: Senator, 2014, 212 p. (In Russ.)
5. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Vol. 3. *Fenomenologiya poznaniya* [Phenomenology of knowledge]. Moscow; St. Petersburg: University book, 2002, 398 p. (In Russ.)
6. Radin Paul. *Trikster. Issledovaniye mifov severo-amerikanskikh indeytsev s kommentariyami K. G. Yunga i K. K. Keren'i* [Trickster. A study of the myths of the North American Indians with comments by K.G. Jung and K. K. Kerenyi]. St. Petersburg: Eurasia, 1999, 288 p. (In Russ.)
7. Martysyuk P. G., Maslanchenko S. V. *Kul'turologiya: posobiye dlya studentov vuzov* [Culturology: a manual for university students]. Minsk: TetraSystems, 2011, 272 p. (In Russ.)
8. Belkov P. L. *Mif i totem v usloviyakh obshchestva avstraliyskikh aborigenov* [Myth and totem in the conditions of Australian Aboriginal society]. St. Petersburg: MAERAN, 2004, 288 p. (In Russ.)
9. Eliade M. *Me'fistofel' i androgin, ili tayna tselostnosti* [Mephistopheles and androgyne, or the secret of integrity]. St. Petersburg: Aletheia, 1998, pp. 123–206. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Мартысюк Павел Григорьевич

Pavel G. Martysyuk

доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, приглашённый профессор центра исследований Беларуси при Чжэцзянском университете Шужен

Doctor of Philosophy, Doctor of Culture Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Visiting Professor of the Center for Belarusian Studies of Zhejiang Shuren University

198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

1 Pilot Pilyutov St., St. Petersburg, 198206, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

11.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

12.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

28.04.2023